

Новгород

Если придется вам подъезжать к Новгороду со стороны Москвы, то, проезжая по мосту через небольшую речку Волховец, постарайтесь не спешить. Успейте оглядеться по сторонам, потому что нигде больше природа не даст вам такого шанса насладиться красотой и величием Древней Руси. Пологий бесконечный берег в безветренную погоду создает впечатление, что речка не течет, а лежит на равнине. Недалеко от дороги виден древний однокупольный храм – это Спас на Ковалевом поле. Где-то за ним находится еще более древний Спас на Нередице, еще дальше – столь же древний Юрьев монастырь, и уже за ним – Ильмень-озеро. Там, у истока Волхова, и возник город, который многие века на Руси называли не только Великим, но еще и Господином.

Опустившийся туман выполняет роль волшебного раствора, который остановил и зафиксировал время в этом месте. Кажется, что сейчас появится русская дружина со своим князем. Какой была Святая Русь – такой она здесь и осталась. И это не театральная декорация, а настоящий и самый русский пейзаж из всех когда-либо мною виденных. Как долго сохранится это чудо?

Въехав в город, я сразу же направился в новгородский Кремль. Его здесь называют по-старинному, ласково, – Детинец. Оставил местным пацанам под охрану свою машину, а один из них, на костылях и без ноги, предложил её еще и помыть. Я согласился, дал ему деньги и пошел к Детинцу.

Внутри почти никого нет, кроме одинокого пожилого человека, стоящего у знаменитого памятника Тысячелетие Руси. Этот памятник был изготовлен по проекту М.О.Микешина в 1862 году. В его скульптурных композициях отражены самые значительные этапы развития русской государственности, представлены выдающиеся деятели истории, науки, литературы и искусства за тысячулетнюю

историю России. Существование этого памятника не особенно афишировали в советский период, потому что взгляд советской исторической науки на свою историю базировался на принципиально иных научных концепциях и методологиях.

Одиноким человеком оказался частный экскурсовод, который подрабатывает лекциями об этом памятнике. В теплую погоду, конечно, это делать приятнее и выгоднее. Сейчас же, когда поздняя осень и дует холодный ветер, – сложнее. Туристов в Детинце мало, а те, что есть, торопятся обойти памятник и скрыться в каком-нибудь теплом месте. Поскольку было прохладно, я попросил экскурсовода рассказать лишь о наиболее значительных событиях, отображенных в верхней, самой почетной и величественной части памятника. Экскурсовод,

сожалея, что речь пойдет не обо всём, тем не менее согласился на сокращенную лекцию. Бумага и перо не в состоянии передать его голос, интонации, ударения и певучие голосовые протяжки. Для этого под каждым слогом пришлось бы рисовать еще и ноты.

Мы встали с южной стороны памятника, и экскурсовод почти запел:

– Правильное название памятника: «Тысячеле-е-тие Ру-у-с-ского государства». На самом верху, на самом важном и значительном месте, там, где высится крест, – находится скульптурная группа под названием Пра-во-сла-вие... Преклоненная женщина – видите, она стоит на

коленях – это вели-и-и-кий символ, это наша многострадальная и печальная матушка Россия. У креста стоит ангел Господень. Он благословляет матушку Россию, желает ей добра и счастья... Обратите внимание на крест. Такого больше нигде не увидите: ни в Москве, ни в Петербурге, ни в Париже, ни в Лондоне. Этот крест из бронзы, этот крест ажурный, работы академика Гартмана, Виктора Александровича... Большой шар, на котором стоит эта скульптурная группа, называется Де-е-ержава. Это символ царской власти в России, ее незыблемости и непоколебимости. А вокруг Державы – видите! – расположены шесть скульптурных групп, которые отображают шесть наиболее ва-а-ажных, наиболее судьбоно-о-о-сных событий в истории России за тысячу лет...

Экскурсовод сделал короткую паузу, давая мне срок переварить услышанное, после чего продолжил.

– Первое событие. Вы видите, перед нами стоит больша-а-ая фигура в форме древнерусского воина со щитом в руке. Это событие называется: «Нача-а-ло русского государства». Перед нами первый русский князь, легендарный Рю-ю-рик. Его новгородцы пригласили, и он прибыл сюда со своей дружиной в 862 году. Он здесь начал княжить, править, руководить всеми племенами, жившими вокруг Новгорода, и таким образом зародилась еди-и-и-ная русская власть... Но Рюрик мечтал подчинить себе Киев, поэтому он стоит и смотрит пря-я-мо на Киев! А на щите у него знак: так писали в Древней Руси, и этот знак означает 862 год... Согласно нормандской теории, Рюрик прибыл из Скандинавии, из племени Русь. Вот здесь, где мы стоим, в самом центре Новгорода Великого и зародилось еди-и-и-ное Русское государство... Слева от Рюрика, – продолжал экскурсовод, – стоит больша-а-я фигура с крестом в руках. Это второе важнейшее событие в истории Русского государства. Оно называется: «Нача-а-ло крещения Руси». Вот перед нами первый креститель Руси святой равноапостольный киевский князь Владимир Красное Солнышко, который в 988 году начал крещение Руси... Видите, женщина подносит ему своего ребенка, и он одной рукой этого ребенка крестит, а другой – дает указание мужику-язычнику уничтожать деревянных идолов. И тот нехо-о-о-тно ломает Перуна – бога грома. Видите! Это нача-а-ло крещения Руси.

Веру христианскую Владимир заимствовал из Византии, поэтому он и сам смотрит, и крестом указывает в сторону Константинополя... А справа от Рюрика, – экскурсовод грациозно указал рукой, – стоит еще одна больша-а-а-я фигура, символизирующая третье важное событие в истории Российского государства – Кулико-о-вскую битву. А стоит перед нами князь Дмитрий Донской. Это 1380 год, и стоит он на Куликовом поле и ногой своей, посмотрите, Мамай-татарина прижал, придавил... Но татарин смотрит де-е-е-рзко, у него всё ещё в руках оружие, а за спиной колчан со стрелами... После Куликовской битвы еще сто лет Россия платила дань татарам, сто лет еще продолжалось татаро-монгольское иго, и это была еще только первая победа... Татаро-монголы двигались на Русь из Средней Азии, поэтому князь Дмитрий Донской смотрит в сторону Средней Азии. В левой руке он держит татарское знамя, которое называется бунчук, а в правой руке у него древнее русское оружие – шестопёр...

Экскурсовод взял паузу, и мы с ним, сделав несколько шагов, встали у восточной стороны памятника.

– Четвертое событие называется: «Созда-а-ние централизованного московского русского государства». Перед нами во весь рост стоит больша-а-а-я фигура с державой в левой руке. Это великий князь московский Иван III, дедушка Ивана Грозного, который в XV веке ликвидировал удельных князей и создал еди-и-ное и неделимое Московское государство. Поэтому он стоит и смотрит пря-я-мо на Москву. И татарин здесь уже не дерзит, а покорно склонил голову к ногам Ивана III, потому что в 1480 году кончилось на Руси татарское иго. Позади татарина лежит поверженный литовский воин: Иван III их наголову разбил. А впереди, с обломанным мечом, лежит немецкий ливонский рыцарь. Они пытались захватить Латвию и Эстонию, но Иван III их тоже сильно побил... А вон там, видите, позади князя, спиной к нам, как бы полулежит фигура? Эта обезличенная фигура – символ. Это не царь, не герой, а простой человек, который платит налоги и держит шар-Державу. Это основная фигура памятника. Можно сказать, что это и есть наш народ.

Мы перешли к северной стороне памятника, и к нам присоединилась молодая пара. Им было интересно слушать моего

экскурсовода, а он, вдохновленный увеличением аудитории, продолжал:

– Пятое событие, которое отражено на памятнике, называется «Созда-а-ние Российской империи». И вот, перед нами, во весь свой исполинский рост, стоит пе-е-е-рвый российский император Петр Великий! Это 1721-й год. Позади, за спиной Петра, – посланец Божий, ангел, который указывает Петру путь на Прибалтику, благословляет его «прорубить окно в Европу». Поэтому Петр Первый смотрит прямо на Петербург. Он создал вели-и-и-кую империю, вели-и-и-кую Россию, вели-и-и-кое государство, которое теперь разбили, раскололи и добивают остатки... (Мой экскурсовод сник, махнул рукой, но тотчас взял себя в руки и вернулся к Петру.) ...Петр Первый двадцать лет воевал со шведами, и вы видите, как перед ним на коленях стоит шведский воин и прижимает к своей груди остатки разорванного шведского знамени... А вот будете в Петербурге, там в Петропавловской крепости поставили памятник Петру, какого-то Шемякина. Это позор и издевательство!.. Вот здесь – тот Петр, которого весь мир называет Великим, а там какой-то debil... И это у его-то, Петра, могилы!..

Экскурсовод вновь махнул рукой, выражая досаду, и наша маленькая группа перешла и встала с западной стороны памятника.

– Шестое событие, которое отражено на памятнике, называется «Нача-а-ло царствования Романовых». Вот в центре стоит мальчик, видите, – это первый царь из рода Романовых, Михаил Федорович. Его избрали на престол 21 февраля 1613 года. Тогда, как и теперь, тоже было смутное время. И, также как и сейчас, все захватили иностранцы. Москву – поляки, Новгород – шведы... Но тогда они нас завоевали, а теперь мы сами их упрашиваем: приезжайте, скупайте, мы все вам продадим... А тогда народ протестовал. И вот, перед нами стоит больша-а-я фигура с саблей в руке. Это князь Дмитрий Михайлович Пожарский, который изгонял иноземцев из Москвы. Видите, как он с оружием в руках защищает молодого царя?! А на коленях перед царем стоит Козьма Минин. Это торговец из Нижнего Новгорода, который там создавал ополчение. Он обращался к народу русскому: «Пойдемте-ка, сразимся за матушку, за родную землю, за славный город Москву!»

Они освободили Москву, и, видите, Козьма Минин вручает молодому царю шапку Мономаха и скипетр... Угроза государству шла, как и теперь, с Запада, поэтому молодой царь смотрит пря-я-мо на Запад. Вот такие здесь, на памятнике, отмечены са-а-а-мые значительные и важные события в истории России за тысячу лет – с 862 по 1862 год... А внизу, во втором ряду памятника, отражены события тоже важные, но уступающие первым. Там и Александр Невский, и Иван Грозный...

Тут я прервал рассказчика вопросом, который родился у меня в процессе его повествования. Я спросил, какое из событий последних ста лет, на его взгляд, могло бы дополнить самые великие события нашей истории и достойно быть отмеченным соответствующей скульптурной группой на этом памятнике?

Экскурсовод, немного смутившись от неожиданного вопроса, не нашел ничего лучшего, чтобы сказать:

– Заплатите сначала за проделанную работу пятнадцать тысяч.

Я заплатил ему двадцать, не имея разменных купюр, а поскольку сдачи у него не было, я предложил, чтобы его ответ и был «сдачей».

Надо сказать, что ответ его стоил гораздо большего. Ведь этот человек на протяжении многих лет живет именно с такой логикой и мировоззрением, и ему легче, чем кому бы то ни было, протянуть логическую нить на сотню лет и обозначить еще одно событие. Тем более что он то и дело вставляет в свой рассказ собственные мысли о настоящем. Можно сказать, что он сам спровоцировал мой вопрос. Вот почему я так настаивал на ответе и готов был заплатить еще столько же. Для меня его ответ значил больше, чем выводы какой-нибудь научной конференции с академиками и докторами.

Экскурсовод настороженно спросил:

– А зачем это вам?

Я ответил, что мне это просто интересно, что все-таки прошло с момента создания памятника сто тридцать лет, а события за это время происходили очень бурные, и еще многое я ему пытался объяснить, после чего он, попросив отключить диктофон, начал говорить. Но говорил он уже совсем другим голосом – не протяжным, не певучим, не громким, а обыкновенным, бытовым. Я же, слушая его, уже не представлял этот голос иным, чем речитатив с певучими протяжками и

неожиданными ударениями. Сама тема не позволяла слышать этого рассказчика по-другому.

– Седьмое значительное событие, – говорил экскурсовод, – которое должно быть отражено на этом величественном памятнике, называется: «Создание вели-и-и-кой мировой ядерной сверхдержавы – Союза Советских Социалистических Республик». И поставить в один ряд с самыми значительными и великими фигурами нашей истории надо большу-у-ую фигуру великого отца народов России – Иосифа Виссарионовича Сталина. В длинной шинели и сапогах. В одной руке он держал бы книгу – это произведения Владимира Ильича Ленина, а другую руку он положил бы себе на грудь, на сердце. А перед ним, на коленях, должны стоять поверженные немец и японец, которые несли народам мира фашизм и которых Сталин побил, не оставил от них камня на камне. Сталин создал вели-и-и-кую сверхдержаву, от океана до океана, и с нею считались все страны и все политики.

– А куда бы смотрел Сталин? – не удержался спросить я.

– А смотрел бы он немного вниз, как и на своем надгробном памятнике на Красной площади. Там скульптор специально сделал его как бы провинившимся перед народом за необоснованные репрессии. Но было такое время... А вы думаете, что все те, что тут на памятнике, обходились без репрессий? После хаоса, разрухи, гражданской войны надо было наводить порядок. И сейчас тоже надо. В России по-другому нельзя. Вот перед вами вся её история, и покажите, когда и кем здесь правилось иначе? Чуть отпустишь вожжи, как это сделал Горбачев, и начнется хаос, беспредел, развал. Великая держава держится на власти, на государях, на сильных великих личностях...

Я поблагодарил своего экскурсовода и, прежде чем расстаться, попросил рассказать о себе.

– А зачем это вам? – вновь настороженно спросил он.

Я опять стал объяснять, что мне просто важно знать происхождение такого рассказчика, так сказать, его социальную нишу.

Оказалось, что зовут его Петр Васильевич, что он бывший учитель истории и уже пять лет, как на пенсии. Живет он всю свою жизнь в Новгороде, недалеко от Детинца, вдвоем с женой, в однокомнатной квартире. Жена тоже на пенсии. Дети уже взрослые и

проживают отдельно. Далее Петр Васильевич стал рассказывать о трудностях нынешней жизни, никудашности властей, преступности, нехватке денег, дороговизне, отсутствии перспектив для детей и обо всем прочем, с чем мы уже не раз сталкивались. Здесь слышался уже голос обычного пенсионера, отделенного от великой истории России и живущего, как и все остальные, вне её контекста. Я не видел его жизненного распорядка и быта, но, узнав кратко его биографию, образ мыслей, глядя, во что он одет и обут, предполагаю, что быт его не многим отличается от жизни миллионов таких же пенсионеров, занятых одним – выживанием. И если пенсионерка из Выдропужска содержит свой небольшой огородик, а ее соотечественница из Зайцева ходит в лес за клюквой, то историк Петр Васильевич выходит к памятнику «Тысячелетие Руси» и экскурсиями зарабатывает себе на жизнь. А чем ему еще зарабатывать?

В отличие от других, он может воздействовать на чувства своих клиентов-экскурсантов, рассказывать им про могущественную державу, открывать глаза на нынешнее её плачевное состояние и тем самым ощущать себя, хоть на какое-то время, в гуще исторических событий, если не на самом памятнике, то рядом с ним. Его Россия – это Держава, закованная в броню и доспехи, облаченная в панцирь и кольчугу, освященная крестом и ангелами, знаменами и хоругвями, диктующая всем остальным свою высшую волю и не допускающая слабости ни по отношению к себе, ни по отношению к другим.

Но где эта Россия?

Разве что только здесь, в этом памятнике. А в действительности – его Россия это маленькая однокомнатная квартирка в старом панельном доме – «хрущевке», в подъезд которого он боится войти из-за наглых подростков. Выйдет из Детинца, пройдет скорым шагом к себе домой, пока светло, закроется там и будет весь вечер смотреть по телевизору новости. При этом будет «крыть» власть на чем свет стоит, как он это делал десять, двадцать, тридцать лет назад...

Попрощавшись с Петром Васильевичем, я направился к самому древнему и самому главному в Новгороде собору – Софийскому, расположенному здесь же в Детинце. С отделением Украины, вместе с

ее столицей и Софией киевской, мы можем сказать, что это самый древний собор на всей Руси. В этом соборе находится и одна из самых древних икон – Знамение Божией Матери. Чего и кого только не видели на своем веку Софийский храм и его Чудотворная икона!

Возле собора никого не было, за исключением фотографа, который, несмотря на пасмурную погоду, делал снимки бронзовых ворот. Эти ворота с рельефами библейского содержания были столь красивы и необычны, что я поинтересовался, сколь стары они?

Фотограф ответил, что ими восхищался еще Александр Невский. Затем он, занятый установкой штатива для фотоаппарата и как бы не обращая на меня внимания, неожиданно спросил:

– Чего это вы там записывали с этим стариком?

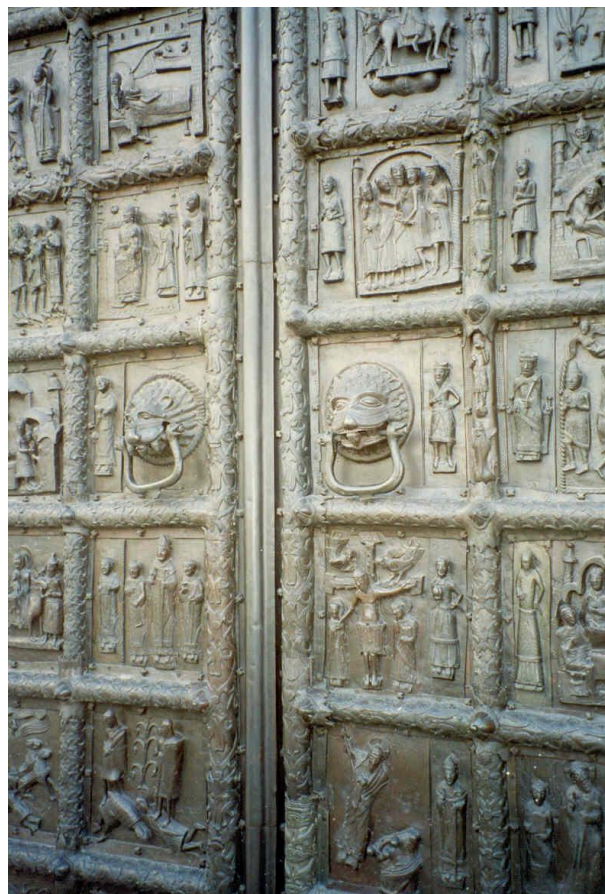
Оказалось, он наблюдал за тем, как я ходил с диктофоном за экскурсоводом вокруг памятника.

Я ответил, что мне надо было узнать о памятнике, и, кроме того, интересен сам взгляд этого человека, пенсионера, на историю России.

– Ну и как? – спросил фотограф.

И я рассказал, как задал последний вопрос экскурсоводу и что он на него ответил. Фотограф, не переставая работать с фотоаппаратом, разразился длинной тирадой:

– Вот это рабское устройство наших мозгов была и есть главная наша беда. И старые, и молодые – все одинаковые. И в городах, и в деревнях... У государства этого нет более сильного оружия и более

устойчивого фундамента, чем вот эти так называемые «простые люди», они и есть самые яростные и одержимые носители всей этой государственной имперской идеи и великодержавного духа... Они сидят тихо в своем углу, где-нибудь в Урюпинске, за шкафом или за столом в каком-нибудь учреждении, получают мизерную зарплату, которую еще и не выплачивают по три месяца, ходят на полусогнутых, имеют пару брюк, рубашку и стоптанные башмаки и вечно брюзжат о плохой жизни, не востребоваемости, несправедливости... Но это до поры до времени. А ну, затронь при ком-нибудь из них наше государство. Скажи им про целостность и неделимость, например, что-нибудь про Курилы, что их надо бы отдать японцам... Знаете, что поднимется? Вылезет наружу такое! Выпрямится, расправит усы, поднимет голову, раздвинет брови, появится откуда-то голос, дикция – и вы уже не узнаете человека...

Фотограф не на шутку разволновался, отставил в сторону фотоаппарат, закурил и продолжил:

– Был у нас тут такой. Никто даже и не предполагал, что внутри у человека таится. Затронули вопрос о Курилах, и началось... Казалось бы, где Новгород, а где Курилы?! Но, нет. Он вылез из своего закутка и такое завернул, что все шарахались. Вот такой «тихоня» может до того раздуться, так разойтись, что станет и депутатом, и президентом, и чем угодно... Вот загадка! У государства этого вроде бы и омовцы, и тюрьмы, и спецслужбы, и атомная бомба, и вся пресса с телевидением, но нет, мало того – у него на службе еще и миллионы вот таких бесштаных соратников. И они приплетут сюда кого угодно: и Пушкина, и Достоевского... Вспомнят, кто чего когда сказал, что написал. Они говорят: «Федор Михайлович – что говорил про Константинополь?! Что говорил про третий Рим?!»... Кстати, – перешел фотограф с экскурсовода на памятник, – этот дед вам показывал лежащую фигуру за спиной Ивана III? Наверняка, нет?

– Почему же, как раз показал, – тотчас ответил я. – Сказал, что это символ нашего народа, который налогами содержит Державу-государство, и, между прочим, сказал, что это центральная фигура памятника...

– А вы не спросили: почему это «центральная фигура» к нам, к потомкам, – повернута спиной? Почему это она обезличенная? И вообще, почему эта фигура не стоит, а лежит, раздавленная этой самой Державою?.. Вот это и есть наш народ – забитый, ограбленный, задавленный, а все равно считающий, что он тут фигура «центральная»... Какие налоги? Во все времена забирали у людей всё, что только могли, включая жизни... Посмотрите на эти фигуры – кто они? Все с палками, мечами, булавами, в доспехах, кольчугах, панцирях... Символ России – скромная женщина – стоит на коленях, опустив голову, а вокруг все грохочут и бряцают... Вот настоящий памятник России! – и фотограф, подойдя вплотную к храму, осторожно дотронулся до него ладонью. – Разве можно сравнить Святую Софию с тем черным железным клубком из тиранов? Да вы посмотрите внимательнее, он вообще не отсюда. Его надо отвезти куда-нибудь в Питер или в Москву и сдать на металлолом... Там его место, а не рядом с этим храмом. Кстати, этот собор, его история – самая охраняемая тайна этого государства, самая большая его ненависть, и именно от этого храма – самая большая для него угроза.

– Да, – согласился я, – памятник действительно как-то не очень вписывается... Весь какой-то черный... Но что это за «тайна» и что за «угроза»? – спросил я недоумевая.

– А то, что больше всех бунтов и иноземных нашествий, больше эпидемий, переворотов и революций боялись государи московские правды о Новгородской Республике – носительнице свободы, культуры, духа просвещения, трудолюбия и христианства. Все эти наши правители и вся их обслуга замалчивали и замалчивают, что такое Новгородская Республика, и знаете почему? Потому что всем этим служителям государства выгодно представлять Россию как консервативную, реакционную страну, в которой иных традиций, кроме деспотичных, никогда не было, а единственной роскошью людей оставались лишь водка да лапти... Посмотрите на памятник. Он всех должен убедить, что иного управления нашим народом, кроме как тирания, нет и быть не может. Все эти цари, генсеки, а теперь и президенты, по сути, восточные деспоты, настоящие ханы.

– Вы хотите сказать, что это заимствовано у Орды?

– Именно. Знаете, как эти князья боролись за то, чтобы получить у хана ярлык на княжение? Он ведь доставался тому, кто обеспечивал большую дань Орде и держал под ханской властью население Руси. А власть способны были удержать лишь самые беспринципные и безжалостные князья, сотрудничавшие с Ордой, заискивавшие перед ханом. Если кто поднимался против баскака, того князья, в основном московские, топили в крови. Историки стали объяснять это «исторической целесообразностью», дескать, выгодно для централизованного государства. С этой точки зрения у них и Иван Грозный был хорош, и все остальные, и через какое-то время Сталин будет перед историей в плюсе. А на самом деле? Вечевой строй в Новгородской республике был неуютен прежде всего Орде и этим самым князьям с ярлыком, для которых исчезновение веча способствовало их неограниченному произволу. Так что не «государственный интерес», как это пишут, а иго подготовило почву для самодержавной власти князей, царей, генсеков и централизованной бюрократии. Иван Грозный считал себя восточным монархом. Кстати,

на многих европейских картах вся наша территория так и называлась Татарией...

– Почему вы говорите, что замалчивают о Новгороде? О Новгороде написано много...

– Не о Новгородской республике замалчивают, а правду о ней. Что писали? Что новгородское вече это жалкий сброд, что это лишь орущая толпа, что только в драке решались все вопросы, а мирить их должен был призванный князь. Они высокомерно представляли Новгородскую Республику как недоразумение на челе России, в то время как недоразумением, скорее, была Москва, заимствовавшая миропорядок у ордынского хана, у Монгольской и Византийской империй. Вече было и во Пскове, и в Ростове Великом, и в Переяславе-Залесском, и во многих других древнерусских городах. Да, новгородская демократия существенно отличалась от современной Европы. От современной! Но для своего времени она была огромным достижением в развитии государственного устройства. *«Судите всех равно, как боярина, так и житего, так и молодчего человека»* – так говорится в Новгородской Судной грамоте. Каково, для «темной, забитой и лапотной» России? А знаете, что большинство люда новгородского были полноценными гражданами республики, а земцы здешние – это крестьяне, владевшие землей на правах собственника. А ведь мы еще и сейчас не граждане... Мне тут рассказывали знакомые американцы, что Джефферсон, когда писал Декларацию Независимости, держал перед собой два базовых документа – Уставы Венецианской и Новгородской республик... А какое образование было у новгородцев!.. Здесь обнаружили массу берестяных грамот, написанных жителями города. Даже любовные записки находят. Вот здесь, в Софийском соборе, находилась ценнейшая и богатейшая библиотека, это была вообще едва ли не первая библиотека Древней Руси... А знаете ли вы, что улицы в Новгороде с десятого века уже были мощенные деревом и достигали в ширину трех-четырёх, а то и шести метров? И когда такая мостовая снашивалась, то поверх ее тут же настилалась новая. Археологи наши установили, что на Холопьевой улице, например, было 25 настилов, относящихся к X–XV векам. То есть в течение пятисот лет улица настилалась двадцать пять раз! Для

сравнения – в Париже первые такие мостовые появились в XII веке, а в Лондоне лишь в XV веке. В городе была чистота и порядок. Жилые дома были в основном двухэтажные, и был деревянный водопровод, да такой, что когда его тут недавно раскопали, то из труб его пошла вода! Аналогов этому водопроводу не было ни в Европе, ни в Византии. И, между прочим, здесь, в Новгороде, люди не ходили в лаптях... Вот что на памятнике надо было изобразить. Они все ходили в приличной одежде, в коже. И еще, Древняя Русь и Новгород не знали смертной казни, введенной у нас лишь «Джасаком» Чингисхана... Хотите, кое-что покажу? – и фотограф заговорщическим жестом подозвал меня встать вплотную к собору. Его голос стал неожиданно таинственным.

– Вот, вслушайтесь, – и он прислонился к стене, как бы к чему-то прислушиваясь.

Сгорая от любопытства, я сделал то же самое.

– Что-нибудь слышно? – спросил он.

– Да нет... А что там должно быть слышно? – спросил я и еще раз, уже изо всех сил, прислушался.

– Сейчас погода не та... Ветер. Если в тихую погоду приложить ухо к Софии и прислушаться, то можно услышать эхо вечевоего колокола. Мало кто об этом знает. Мне в детстве рассказал один старик. Я долгое время ничего не слышал, даже не верил...

– Ничего не слышу, – уже с досадой говорил я, еще и еще раз припадая ухом к стене. Может, из-за шума ветра, а может, оттого, что и без того я уже был пресыщен информацией, никакого звучания я не слышал. Не желая оставаться в долгу у фотографа, я достал из сумки книжку Радищева и прочел вслух несколько строк о Новгороде:

«...Известно по летописи, что Новгород имел народное правление. Хотя у них были князья, но мало имели власти. Вся сила правления заключалась в посадниках и тысяцких. Народ в собрании своем на вече был истинный государь. Область Новгородская простиралась на севере даже за Волгу. Сие вольное государство стояло в Ганзейском союзе. Старинная речь: кто может стать против Бога и великого Новагорода, - служить может доказательством его могущества. Торговля была причиною его

возвышения. Внутренние несогласия и хищный сосед совершили его падение...»

– А вы знаете, – уверенно сказал фотограф, – что это место у Радищева и есть самое крамольное во всей его книге?

– Чем же оно опаснее других?

– Да тем, что нет ничего более опасного для всякой власти, чем признание того, что в истории управляемой ею страны есть иная традиция, чем та, которую эта власть представляет. Радищев лишь коснулся этой темы, но уже этого было достаточно, чтобы его признали опаснее Пугачева. И, обратите внимание, коммунисты, которые всегда превозносили Радищева, о его главе «Новгород», тоже ничего не писали, старались обходить, не замечать... А вы что, эту книжку всегда с собой носите?

– Нет, случайно оказалась, – ответил я.

Фотограф был откровенно удивлен наличием у меня книжки Радищева и, перед тем как завершить наш разговор, решил меня сфотографировать. Так что где-то в Великом Новгороде осталась моя фотография на фоне Святой Софии Новгородской и ее древних трофейных дверей работы магдебургских литейщиков XII века.

Мы расстались, и я решил обойти храм.

Остановившись у восточной его стороны, где поменьше ветра, я огляделся – нет ли кого рядом, – подошел к стене и прижался ухом...

Вы не поверите, но я услышал глухой, протяжный, очень далекий, идущий откуда-то снизу, гул... Невероятно, но это был звон вечеревого колокола Новгородской Республики, каким-то образом запечатленный стенами древнего собора. Мне захотелось кого-нибудь позвать, я стал высматривать по сторонам, искал хоть кого-то, но вокруг не было ни души, и не с кем было поделиться услышанным чудом. А фотограф уже ушел. Я прислушивался еще и еще раз, и вновь отчетливо слышал далекий и печальный набат...

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудит-поет колокол.

Для чего созывает он Новгород?
Не меняют ли снова посадника?
Не волнуется-ль Чудь непокорная?
Не вломилась ли Шведы иль рыцари?
Да не время ли крикнуть охотников
Взять неволей иль волей с Югории
Серебро и меха драгоценные?
Не пришли ли товары ганзейские,
Али снова послы сановитые
От великаго князя московского
За обильною данью приехали?
Нет? уныло гудит-поет колокол...
Поет тризну свободе печальную;
Поет песню с отчизной прощальную:
"Ты прости, родимый Новгород!
Не сзывать тебя на Вече мне,
Не гудеть уж мне по-прежнему:
Кто на Бога? Кто на Новгород?
Вы простите храмы Божии,
Терема мои дубовые!
Я пою для вас в последний раз,
Издаю для вас прощальный звон.
Налети ты, буря грозная,
Вырви ты язык чугунный мой,
Ты разбей края им медные,
Чтоб не петь в Москве далекой мне
Про мое ли горе-горькое,
Про мою ли участь слезную,
Чтоб не тешить песнью грустною
Мне царя Ивана в тереме...»

Потрясенный услышанным, я прошел мимо Звонницы и вышел через восточные ворота на берег Волхова. Передо мною открылся вид на Торговую сторону, Ярославо дворище и Древний Торг. По пешеходному мосту я вышел к середине реки...

Что же это за легенда такая, Господин Великий Новгород? Действительно ли ты был или это миф о светлом прошлом, придуманный вольнолюбивыми твоими потомками?

Нет, Великий Новгород – не миф. В доказательство – море крови и реки слез, чтобы стереть саму память о нем, не мифическую – живую! Словно кость в горле, стояло в ушах московских владык неумолкаемое эхо вечового колокола и еще не выветрившаяся память о республике, о свободном и вольном городе.

...Сто лет прошло, как не стало веча. Взбешенный очередным наветом, двинулся в декабре 1569 года на Новгород Иван Грозный. Разгромил Клин, разорил Вертязин-Городню, опустошил Тверь, разграбил все селения, все города, стоящие на дороге, той самой, по которой мы только что проехали. Иван сеял смерть и разруху, особенно не щадил церковных служителей, а церкви грабил. Это ведь еще то было «путешествие». А сам Новгород потопил в крови. Его первое

повеление после прибытия в Новгород: «игуменов и монахов, которые стояли на правее (более пятисот человек!), бить палками до смерти и трупы развозить по монастырям для погребения». Все церкви и монастыри, включая Святую Софию, дружина царская разграбила. Вот лишь небольшой отрывок из того, что сказано об этих днях в древней летописи:

«...Между тем Иоанн с сыном отправился из архиепископского дома к себе на Городище, где начался суд: к нему приводили новгородцев, содержащихся под стражею, и пытали, жгли их какою-то "составною мудростию огненною"; обвиненных привязывали к саням, волокли к Волховскому мосту и оттуда бросали в реку; жен и детей их бросали туда же с высокого места, связавши им руки и ноги, младенцев привязывали к матерям; чтоб никто не мог спастись, дети боярские и стрельцы ездили на маленьких лодках по Волхову с рогатинами, копьями, баграми, топорами и, кто всплывает наверх, того прихватывали баграми, кололи рогатинами и копьями и погружали в глубину; так делалось каждый день в продолжение пяти недель. По окончании суда и расправы Иоанн начал ездить около Новгорода по монастырям и там приказывал грабить кельи, служебные дома, жечь в житницах и на скирдах хлеб, бить скот; приехавши из монастырей, велел по всему Новгороду, по торговым рядам и улицам товары грабить, анбары, лавки рассекать и до основания рассыпать; потом начал ездить по посадам, велел грабить все дома, всех жителей без исключения, мужчин и женщин, дворы и хоромы ломать, окна и ворота высекать; в то же время вооруженные толпы отправлены были во все четыре стороны, в пятины, по станам и волостям, верст за 200 и за 250, с приказанием везде пустошить и грабить. Весь этот разгром продолжался шесть недель».

А на «прощание», перед тем как отправиться грабить дальше, знаете, что сказал царь оставшимся в живых новгородцам? – **«Молите Господа Бога, пречистую Его Матерь и всех святых о нашем благочестивом царском державстве, о детях моих благоверных, царевичах Иване и Федоре, о всем нашем христолюбивом**

воинстве...», а что до крови, то еще сказал: «...вы об этом теперь не скорбите, а живите в Новгороде благодарно...»*

И, знаете, молились, падали ниц, трепетали, жили «благодарно», и не только в Новгороде – по всей Руси. Что еще оставалось?

А впереди у России и его народа – палка Петра Первого, оплеухи Павла, розги Николая, архипелаг ГУЛаг Сталина, бомбометания Ельцина... И между ними – смуты, войны, восстания, бунты, голод, разруха, пьянство, беспредел... А над всем этим бесконечным насилием – такая же нескончаемая ложь: о забитом и темном народе, о его патологической консервативности и реакционности, о неспособности к труду, к порядку, к организованности, ложь о его изначальной невосприимчивости к свободе и природной рабской любви к тирану. Но ложь не в том, что это все не так, а в том, что только так и может быть. Ложь в том, что это неменяемо.

Да, большой крови стоит вытравить память о свободе, но еще большей – вновь ее обрести. И когда уже совсем было невмоготу, тогда прорывалось горе людское Разиным, Пугачевым, а потом и Лениным... Так формировался наш апокалиптический пресловутый русский характер, столь же непонятный чужестранцам, сколь и нелюбимый нами же. Что можно было противопоставить абсолютному, бесчеловечному произволу «сверху» и дикому покорству, в сочетании с безумной ненавистью, «снизу»? Смелость Радищева?! Любовь Пушкина?! Правду Достоевского?! Совесть Сахарова?!.. Это не ими ли отзывается печальное эхо вечевого колокола?

"...Если пшеничное зерно, пав на землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода". (Ин. 12, 24)

Эти слова Его начертаны и у гроба Достоевского.

Почему же у нас зерно гибнет и плода не приносит?

Что же, как не деспотическая власть сделала эти Истины вовсе не истинными у нас? Она, вместе с выпитой людской кровью, иссушила еще и человеческую душу и этим – омертвила почву, на которой могли бы произрастать, словно пшеничные зерна, лучшие качества, данные человеку Богом.

* Соловьев С.М., Сочинения, кн. III, Т.5-6. С.541-542

«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй», – и к нему
впридачу – забытые Богом города и веси с незнающими Бога людьми.

Вот о чем я думал, стоя на мосту, над протекающим внизу
древним Волховом.

"Ты прости, мой брат названный,
буйный Волхов мой, прости!
Без меня ты праздной радость,
без меня ты и грусти.
Пролетело это время...
не вернуть его уж нам,
Как и радость, да и горе
мы делили пополам,
Как не раз печальный звон мой
ты волнами заглушал,
Как не раз и ты под гул мой,
буйный Волхов мой плясал!
Помню я, как под ладьями Ярослава ты шумел,
Как напутную молитву
я воинам твоим гудел!
Помню я, как Боголюбский побежал от наших стен,
Как гремели мы с тобою:
смерть вам Суздальцы иль плен!
Помню я: ты на Ижору
Александра провожал;
Я моим хвалебным звоном победителя встречал.
Я гремел бывало звучный – собирались молодцы,
И дрожали за товары иноземные купцы,
Немцы рижские бледнели,
и заслышавши меня
Погонял Литовец дикий
быстроногого коня.
А я город, а я вольный звучным голосом зову
То на Немцев, то на Шведов,
то на Чудь, то на Литву!
Да прошла пора святая:
наступило время бед!

Если б мог – я б растопился
в реки медных слез: да нет –
Я не ты, мой буйный Волхов!
я не плачу – я пою!
Променяет ли кто слезы и на песню – на мою?
Слушай: нынче, старый друг мой,
по тебе я поплыву;
Царь Иван меня отвозит
во враждебную Москву.
Собери скорей все волны,
все валуны, все струи –
Разнеси в осколки, в щепки
ты московские ладьи,
А меня на дне песчаном
синих вод твоих сокрой
И звони в меня почаще серебристою волной:
Может быть из вод глубоких,
вдруг услыша голос мой,
И за вольность и за Вече
встанет город наш родной".
Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудит-поет колокол.
Волхов плещет и бьется и пенится
О ладьи Москвитян острогрудья,
А на чистой лазури, в поднебесьи,
Главы храмов святых белокаменных
Золотистыми слезками светятся.*

* В 1857 году в Лондоне Герцен и Огарев опубликовали стихотворение «Вечевой колокол» в четвертой книжке «Голосов из России», без указания автора. Еще через год Герцен, там же, в Лондоне, издал радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву» с собственным предисловием.

* * *

Когда я, весь замерзший, возвратился из Детинца к своей машине, то обнаружил, что её домывают совсем другие мальчишки. На мой вопрос – почему? – они наперебой стали объяснять, что тот безногий пацан-негодяй просто выждал, пока я скроюсь за углом, и тут же удрал вместе с деньгами. Он, говорят, всегда так делает: не надо было раньше времени платить ему. И вот они, чувствуя стыд, решили сами помыть мою машину, а уж дам я им денег или нет – это, как говорится, на моей совести. Немного поворчав, я все же дал им десять тысяч рублей: все-таки я должен оценить их совестливый порыв. Потом, когда я рассказал эту историю своим знакомым новгородцам, они мне сказали, что это у местных ребят такая тонкая технология. То есть они с меня таким оригинальным способом взяли деньги дважды за одну и ту же работу...

Хорошие ребята, учатся бизнесу у взрослых, жизнь по-новому переделывают. Самое время рассказать им про Новгородскую Республику.